

М. В. Невзорова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: nanarika@mail.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СУДЬБЫ И БОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА В МИРОВОЗЗРЕНИИ ФЕОДОРА МЕТОХИТА

Освещаются представления Феодора Метохита – видного деятеля Палеологовского Возрождения – о судьбе и божественном промысле. Особое внимание уделено проблеме соотношения этих категорий в его мировоззрении. Также разбирается вопрос об истоках его взглядов. Сопоставление идей Метохита с воззрениями его ближайших предшественников и современников позволяет выявить в его позиции ряд новых черт, нехарактерных для традиционного византийского мировосприятия, хотя в целом идеи Метохита выросли именно на его почве.

Ключевые слова: Феодор Метохит, история, философия, Палеологовское Возрождение, Византийская империя, XIV в.

Как известно, изучение любой исторической эпохи невозможно без понимания ее культурной атмосферы, достижение которого, в числе прочего, требует тщательного исследования мировоззрения людей, живших в это время и оказавших влияние на современную им культуру. Для эпохи первых Палеологов в Византийской империи одним из таких деятелей стал Феодор Метохит (1270–1332) – человек многосторонней образованности, занимавшийся риторикой, поэзией, философией, историей и астрономией; приближенный императора Андроника II, великий логофет, ставший фактически вторым человеком в государстве в годы правления последнего императора и разделивший его участь после свержения. В настоящее время Метохит известен прежде всего как автор «Памятных и примечательных заметок» – собрания из 120 эссе на различные темы – и нескольких поэм, а также как ктитор монастыря Хоры в Константинополе, фрески которого, написанные по заказу Метохита, сохранились до наших дней. Детищем Метохита стала и библиотека монастыря Хоры, на тот момент – одна из лучших в Константинополе. С точки зрения изучения Палеологовского Возрождения фигура Метохита особенно интересна тем,

что его деятельность пришлась на годы зарождения Палеологовского Ренессанса и предшествовала расколу византийской образованной элиты на два «лагеря» – гуманистов и исихастов; показателен тот факт, что двое его лучших учеников – Никифор Григора и Григорий Палама – заняли впоследствии противоположные позиции в этом споре. Соответственно, для лучшего понимания культурной атмосферы Византийской империи в палеологовский период представляется необходимым изучение творчества Феодора Метохита и его взглядов.

Хотя число работ, посвященных личности и творчеству Феодора Метохита, неуклонно растет [Beck, 1952; Ševčenko, 1962; 1975; Hunger, 1978; Vries-van der Velden, 1987; Theodoros Metochites..., 1996; Медведев, 1997; Bydén, 2002; 2003; Hult, 2004; Bazzani, 2006; Featherstone, 2011], на данный момент немногие из них содержат более или менее подробный анализ его мировоззрения и, в частности, восприятия им божественного промысла. В то же время исследование представлений Метохита о промысле имеет первостепенное значение для понимания взглядов Метохита в их совокупности, так как без него невозможно адекватное восприятие его идей о месте человека в мире

и наилучшем способе поведения в жизни. А без изучения этих идей, в свою очередь, нельзя окончательно разрешить вопрос о роли и месте Феодора Метохита и его творчества в современной ему культуре.

Первой крупной работой, в которой была затронута тема божественного промысла, стала изданная более полувека назад монография Г.-Г. Бека [Beck, 1952], на долгое время определившая восприятие учеными наследия Феодора Метохита. Бек был убежден, что под именем *πρόνοια*, традиционно обозначавшим божественный промысел в сочинениях византийцев, у Метохита скрывается некая таинственная безымянная сила, имеющая сходство с *εἰσαρμὴν* – неотвратимой безличной закономерностью, универсальной и всеобщей обусловленностью явлений. Центральное же место в мировоззрении Метохита принадлежит, по мнению Бека, своенравной и непредсказуемой судьбе-Тихи. В тех случаях, когда Метохит все-таки говорит о божественном промысле в традиционном смысле, он лишь копирует расхожие штампы византийской теологии – возможно, для того, чтобы привести свое мировоззрение в некоторое соответствие с господствующей идеологией, – предполагает Бек.

Еще более настойчиво подчеркивает разрыв Метохита с религиозным мировоззрением его предшественников И. П. Медведев, посвятивший одну из глав своей монографии проблеме детерминизма и свободы воли в последние века существования Византийской империи. Он уже прямо отождествляет божественный промысел Метохита с *εἰσαρμὴν* и подробно разбирает часто используемую им метафору «всемирного театра», где капризная Тихи доставляет людям всяческие неприятности, действуя согласно распоряжениям промысла («т. е. *εἰσαρμὴν*», – добавляет Медведев [1997. С. 133]). Таким образом, Медведев видит в сочинениях Метохита описание «экзистенциализированного» мира, в котором человек потерян и дезориентирован, и все, что ему остается – лишь научиться противостоять Тихи с должной готовностью.

Указанные работы – серьезный вклад в изучение наследия Феодора Метохита; тем не менее выводы о его понимании божественного промысла, сделанные авторами, представляются нам не вполне отражающими специфику мировоззрения Метохита

и характер его связи с предшествующей философской традицией. Так, в работе И. П. Медведева термин «*πρόνοια*» при анализе фактически подменяется *εἰσαρμὴν*; при этом автор вовсе игнорирует те места «Гномических заметок», содержание которых не оправдывает такой замены (см.: [Theodori Metochitae, 1821. S. 405–412]. В свою очередь, Г.-Г. Бек объясняет тематическое «выбивание» этих мест из основной концепции мироустройства в «Гномических заметках» их жанровым отличием: эти главы по форме более остальных приближены к риторическим упражнениям и часто описывают общие места византийской теологии. В этом Бек видит основание не доверять содержанию данных глав, так как в них Метохит мог выражать идеи, отличные от его истинных взглядов.

Следствием такого подхода становится «раздвоение» мировоззрения Метохита в «Гномических заметках», обусловленное в том числе взглядом Бека на это произведение как на беспорядочное собрание дневниковых записей, мелких заметок и небольших риторических сочинений на различные темы. Однако авторы более поздних исследований, подвергнув тщательному изучению структуру и язык «Гномических заметок», пришли к выводу, что, несмотря на кажущуюся хаотичность, их главы составляют цельное произведение, а их порядок отнюдь не случаен и подчинен вполне конкретному авторскому замыслу (см., например: [Bydén, 2002. P. 246–248]). Следовательно, если мы хотим верно понять мировоззрение Метохита, мы должны основывать свои выводы на содержании *всех* глав его сочинения: ведь даже повторяя в своем произведении то, что было хорошо известно до него, он имел в виду некую цель, не обязательно сводящуюся к демонстрации своей солидарности с официальной позицией церкви. Для того чтобы ее выяснить, необходимо увидеть замысел Метохита в его целостности.

Авторы новейших статей, посвященных мировоззрению Феодора Метохита, склонны с осторожностью относиться к идее его конфронтации с христианством. В их трудах преобладает точка зрения, согласно которой Тихи и божественный промысел в сочинениях Метохита представляются явлениями одного порядка [Featherstone, 2011. P. 340; Bydén, 2011. P. 1268]. Б. Байден находит

возможным даже отождествить их друг с другом, считая Тихи синонимом божественного промысла. Это представление точнее соответствует тексту Метохита; несомненным его достоинством является то, что его сторонники не расчлняют мировоззрение Метохита на враждующие между собой фрагменты. Однако при этом без ответа остается вопрос: если Тихи и божественный промысел – одно и то же, с какой целью Метохит различает их?

Целью данной статьи и будет попытка ответить на вышеозначенные вопросы и разрешить проблему соотношения божественного промысла и судьбы в мировоззрении Феодора Метохита.

Центральным положением «Гномических заметок» является восходящий к поздним стоикам тезис об изменчивости и неустойчивости всего в жизни, которая часто приводит людей в отчаяние. Развивая эту мысль, Метохит прибегает к многочисленным сравнениям и аллегориям, уподобляя жизнь то морю [Theodori Metochitae, 1821. S. 796–797], то плаванию на корабле, ход которого никогда невозможно предсказать заранее [Ibid. S. 179, 302, 414 и др.], то игре в кости, то непостижимому музыкальному произведению, в котором самым неожиданным образом переплетаются различные тоналности [Ibid. S. 187, 795].

Но самое яркое из всех сравнений, наиболее развернуто представленное Метохитом на страницах его «Гномических заметок» – это, безусловно, сравнение жизни со «всемирным театром» (*παγκόσμιον θέατρον*, *κοινὸν θέατρον*, *βιωτικὸν θέατρον*), где все люди – актеры, а основное действие разворачивается благодаря судьбе-случаю – Тихи (*Τύχη*). По сути, вся мировая история для Метохита – лишь «игрالیще судьбы», один огромный пример ее изменчивости и непостоянства.

Метохит настолько увлечен описанием козней, которые Тихи непрестанно подстраивает людям, что ее образ вырастает у него до невероятных масштабов. При этом упоминания о влиянии на людские дела божественного промысла (*πρόνοια*) практически отсутствуют. Фактически он лишь несколько раз мимоходом упоминается Метохитом то как сила, в соответствии с *λόγοι* которой действует Тихи, то как руководитель хора (*χορηγός*) во всемирном театре. Исключением является лишь гл. 66, по-

священная недалеким людям, чья вера в божественный промысел непрочна [Ibid. S. 405–412].

Именно это обстоятельство дало Г. Хунгеру, Г.-Г. Беку и И. П. Медведеву основание утверждать, что Тихи вытесняет божественный промысел в мировоззрении Метохита, превращая его в холодную и слепую силу, управляющую делами людей [Beck, 1952. S. 106; Медведев, 1997. С. 132], аналог *εἰσαρέβη*, что, в свою очередь, свидетельствует, по их мнению, об отходе Метохита от религиозных традиций византийской философии.

Данный вывод представляется нам излишне радикальным.

Прежде всего, ни в одном месте «Гномических заметок» контекст, в котором упоминается божественный промысел, не противоречит традиционному церковному взгляду на эту силу. Вопреки мнению Бека, окружающего *πρόνοια* Метохита ореолом зловещей таинственности, можно констатировать, что всякий раз, говоря о подчиненности Тихи промыслу, Метохит упоминает этот факт эмоционально нейтрально, без высказывания какого бы то ни было субъективного отношения к нему. В то же время в гл. 66 он сравнивает Бога, осуществляющего промысел, с кормчим на корабле и с врачом, чьи действия не всегда приятны страждущим, но всегда направлены к их благу [Theodori Metochitae, 1821. S. 412]. Так Метохит дает читателям понять, что, несмотря на все зло, происходящее в мире, конечной целью Бога является благо людей. Кроме того, мы узнаем о том, что божественное установление по самой своей сути не может быть злом для человека [Ibid. S. 353]. Итак, всего вышперечисленного уже вполне достаточно для того, чтобы отказаться от тезиса о равнодушии, коварстве и тем более злом умысле, присущим божественному промыслу. Сам же автор практически ничего не сообщает нам о промысле – возможно, в силу того, что «всё было уже сказано» до него и все священные установления уже даны [Ibid. S. 14–15], и добавлять к ним что-либо от себя было бы явно излишним. Известно и его скептическое отношение к теологии как науке [Ibid. S. 370–376].

Божественный промысел упоминается в сочинениях Метохита крайне редко по сравнению с судьбой-Тихи. При этом интересно, что последняя представляется ав-

тору своего рода «посредником» Бога, действующим в соответствии с его λόγος [Theodori Metochitae, 1821. S. 188, 304]. Этого положения мы не найдем у современников и ближайших предшественников Метохита, воспринимавших судьбу и божественный промысел как антиподы. Так, у Анны Комниной божественный промысел неизменно связывается со стечением обстоятельств, удачным для Алексея Комнина и его соратников (см.: [Комнина Анна, 1965. С. 69, 92, 106, 107, 134 и др.]). Если же удача сопутствует его врагам, Анна видит в этом происки судьбы [Там же. С. 81, 116 и др.]. Аналогичное соотношение судьбы и промысла встретим у Никиты Хониата [1991. С. 219, 225, 226, 231], видящего действие божественного промысла в победах императора Феодора, а судьбу характеризующего как «враждебную силу, всегда присутствующую при [всем] хорошем и тайно проникающую вместе с ним, уменьшающую радость и вместо нее приносящую мучения» [Там же. С. 232] и виноватую во внезапных неудачах императора. В «Римской истории» Никифора Григоры наряду с вышеописанной трактовкой судьба присутствует также в виде случайности при описании событий (как правило, тоже неприятных), причины которых не видны автору [1862. С. 26, 51, 61, 63 и др.]. Иначе говоря, судьба у них появляется там, где по тем или иным причинам отсутствует Бог, и всячески противостоит божественному промыслу.

У Метохита противоположность Тихи и божественного промысла не исчезает совсем, но приобретает чисто эмоциональный характер. В то же время они находятся в отношениях соподчинения. Тихи является посредником Бога и действует в соответствии с Его промыслом. В результате она оказывается органично вписанной в православную картину мира.

Метохит не устает сетовать на непредсказуемость и неустойчивость, возникающие в жизни людей благодаря действиям Тихи. Однако если рассматривать отрывки, посвященные этому обстоятельству, не выхватывая их из авторского контекста, мы увидим, что это не просто жалобы, «ὄρησος» [Beck, 1952. S. 103] человека, который и сам пострадал от козней судьбы. Также едва ли можно счесть их «опосредованной хулой на Провидение» [Медведев, 1997. С. 129]. Нетрудно заметить, что всякий раз за опи-

саниями поведения Тихи и непрочности всего в человеческой жизни (довольно, впрочем, пространными) у Метохита следуют размышления и практические рекомендации касательно более или менее успешного преодоления описанного порядка вещей. Он не устает ругать людей «поистине недалеких и совершенно безумных» [Theodori Metochitae, 1821. S. 795], забывающих об изменчивости судьбы, как только окажутся в некоей благоприятной ситуации; и превозносит тех, кто, подобно Одиссею перед лицом сирен, сковал свои чувства: «не нужно быть уверенным в том, что что-либо из происходящего стоит внимания, но [всё происходящее] непостоянно и всегда обращается в противоположное тому, что есть» [Ibid. S. 178]. Многочисленные примеры, приводимые им, служат лишь для доказательства этой точки зрения. Можно сделать вывод, что пассажи, связанные с образом Тихи, служат Метохиту прежде всего для иллюстрации и более наглядного представления своих идей, касающихся самовоспитания человека и надлежащего поведения в жизни.

В целом концепция Метохита не вступает в противоречие с официальной византийской теологией. Чтобы увидеть это, достаточно сопоставить ее с представлениями о мироустройстве Максима Исповедника, автора всеобъемлющего синтеза святоотеческого богословия. В своих сочинениях он не использует образ Тихи, однако убежден, что сотворенному миру присуще непрестанное движение, в противоположность Богу-Создателю, который неподвижен (см., например: [Преподобный Максим Исповедник, 2006. С. 58]). Ко времени Метохита это положение стало уже общепризнанным. Также Максим первый развил мысль о том, что все в мире происходит согласно божественным логосам (λόγοι). У каждой вещи – свой логос, и если она будет двигаться в согласии с ним, то в конечном итоге воссоединится с Богом. В следовании логосам Максим Исповедник и видит задачу человека и всего мира в целом [Преподобный Максим Исповедник, 2006. С. 66–67]. Эту же идею Метохит передает метафорически с помощью образа «всемирного театра».

Однако в сравнении с идеями Максима Исповедника концепцию Метохита отличает небывалый драматизм. Максим Исповедник всеми своими помыслами устремляется

к Богу; бесстрашие, которого надлежит добиваться человеку, расцветает у него «бесстрастной страстью» любви к Богу, обожением человека. Повествование же Метохита неизменно вращается вокруг земных дел и невзгод, лишь изредка поднимаясь над ними. Бесстрашие у него – прежде всего лекарство от больших потрясений, от которых не застрахован ни один человек. Вдумчивый читатель «Гномических заметок» не может не заметить разительного контраста между подчиненным положением Тихи и вниманием, которое ей уделяет Метохит, снова и снова возвращаясь к описаниям ее коварства и необходимости ему противостоять. Г. Хунгер, Г.-Г. Бек, а вслед за ними и И. П. Медведев объясняли этот контраст скрытой оппозицией автора по отношению к господствующей идеологии (возможно, им самим не осознанный в полной мере) [Beck, 1952. S. 108–110, 114; Hunger, 1978. S. 52; Медведев, 1997. С. 134]. Нам представляется более убедительным отнести его на счет цели, которую преследовал Метохит, говоря о Тихи, а именно – предостеречь и наставить читателя. Вероятно, Метохит намеренно избрал такой ракурс изображения мира (что важно, практически ничего не изменив в сути традиционного церковного представления), чтобы его неустойчивость оказалась на первом плане. Если принять эту точку зрения, мы увидим, что скупость упоминаний Метохитом Божественного Провидения является следствием не утери «интереса» к Нему автора, а отдаления от Бога самих людей, наставляемых Метохитом. Так что автор, желающий быть полезным миру и говорить с ним на одном языке, вынужден начинать с того, чтобы истолковать принцип действия Тихи и продемонстрировать его на многих примерах.

Близость Метохиту образа Тихи, а также его стремление предостеречь современников и потомков от беспечности проистекают, вероятно, из обстоятельств жизни Метохита. Его собственная судьба, как известно, сложилась весьма трагично; кроме того, печальные для Византии политические события, свидетелем и прямым участником которых оказался Метохит, также могли заострить его внимание на мысли о переменчивости и бренности всего сущего. Особенно важно, что и задолго до Метохита эта идея существовала сначала в стоической, а затем и в христианской традиции и была

хорошо знакома образованным византийцам, хотя обычно и не получала в их произведениях столь экспрессивного выражения.

Подводя итог, следует сказать, что анализ «Гномических заметок» не дает нам повода говорить о безличности и «зловещем» характере божественного промысла и тем более отождествлять его с *εἰσαρέμνη*. По своим характеристикам божественный промысел у Метохита вполне соответствует его традиционному видению в византийском богословии. С другой стороны, представляется неточным утверждение о полном тождестве божественного промысла и судьбы Тихи: хотя эти две силы делают одно дело, Тихи занимает по отношению к промыслу подчиненное положение, и задача человека состоит в том, чтобы за ее кознями научиться различать мудрые распоряжения Бога и принимать их с покорностью и бесстрашием. Оригинальность позиции Метохита заключается прежде всего в том, что, описывая устройство мира, он концентрирует свое внимание на закономерностях земной жизни людей, находящейся под управлением Тихи, и практически игнорирует все, что находится за ее пределами, внося таким образом элемент дисгармонии в мировосприятие, характерное для предшествующих византийских писателей и богословов.

Список литературы

- Григора Н.* Римская история (1204–1341) / Пер. П. И. Шалфеева. СПб., 1862. 565 с.
- Комнина Анна.* Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. М., 1965. 686 с.
- Медведев И. П.* Византийский гуманизм, XIV–XV вв. СПб., 1997. 341 с.
- Никита Хониат.* Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли / Пер. П. И. Жаворонкова // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1991. С. 216–238.
- Преподобный Максим Исповедник.* О различных недоумениях у святых Григория и Дионисия (Амбигвы). М., 2006. 464 с.
- Bazzani M.* Theodore Metochites, a byzantine humanist // Byzantion. 2006. Vol. 76. P. 32–52.

Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. 146 S.

Bydén B. The Nature and Purpose of the Semeioseis Gnomikai: The Antithesis of Philosophy and Rhetoric // Hult K., Bydén B. Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy: Semeioseis Gnomikai 1–26 & 71. Göteborg, 2002. P. 245–288.

Bydén B. Theodore Metochites // Encyclopedia of Medieval Philosophy / Ed. by H. Lagerlund. Univ. of Western Ontario, 2011. P. 1266–1269.

Bydén B. Theodore Metochites' Stoicheiosis Astronomike and the Study of Natural Philosophy and Mathematics in Early Palaiologan Byzantium. Göteborg, 2003. 547 p.

Featherstone M. Theodore Metochites Semeioseis gnomikai: personal encyclopedism // Encyclopedic trends in Byzantium? Proceedings of the International Conference held in Leuven, 6–8 May 2009. Leuven; P.; Walpole, 2011. P. 333–344.

Hult K. Theodore Metochites as a literary critic // Interaction and isolation in late byzantine culture. Stockholm, 2004. P. 44–56.

Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Teilbd 1: Philosophie, Rhetorik, Epistolographie, Geschichtsschreibung, Geographie. München, 1978. 547 S.

Ševčenko I. Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962. 330 p.

Ševčenko I. Theodore Metochites, the Chora, and the Intellectual Trends of his Time // The Kariye Djami. Princeton, 1975. Vol. 4. P. 17–91.

Theodori Metochitae. Miscellanea philosophica et historica / Eds. C. G. Müller, T. Kiessling. Lipsiae, 1821. 838 S.

Theodoros Metochites on Philosophic Irony and Greek History. Miscellanea 8 and 93 / Eds. P. A. Agapitos, K. Hult, O. L. Smith. Nicosia; Göteborg, 1996. 48 p.

Vries-van der Velden E. de. Théodore Métochite: une reevaluation. Amsterdam, 1987. 276 p.

Материал поступил в редколлегию 29.04.2013

M. V. Nevzorova

FOR THE QUESTION ON RELATIONS BETWEEN FORTUNE AND PROVIDENCE IN THEODORE METOCHITES' WORLD OUTLOOK

Theodore Metochites is an outstanding figure of Palaiologan Renaissance. The article is intended to discuss his ideas of Fortune and Divine Providence. Special attention is drawn to the problem of the relations between these categories in his world outlook. Besides it, the question of his ideas' sources is taken up. The comparison between Metochites' thoughts and those of his nearest predecessors and contemporaries helps to reveal some new features of his position which are out of the common for the traditional byzantine conception, though in general Metochites' ideas are the product of it.

Keywords: Theodore Metochites, history, philosophy, Palaeologan Renaissance, Byzantine Empire, XIV century.